

нительно судьбы французскихъ колоній, такъ какъ ясно, говорить онъ, что занятіе германцами французскихъ колоній можетъ произойти только послѣ окончательнаго уничтоженія англійскаго флота. Что же касается до европейской Франціи, то фонъ-Винтерштеттенъ полагаетъ, что едва ли „даже при самыхъ скромныхъ требованіяхъ возможно будетъ не взять“ рудниковъ Лотарингіи, Бельфора и полосы вдоль бельгійской границы отъ Вердена до Булони. Эта полоса, съ одной стороны, дала бы Германіи открытую дверь во Францію, затѣмъ служила бы лучшимъ „трамплиномъ для прыжка“ въ Англію. Обладаніе Дувромъ на противоположномъ берегу было бы естественнымъ продолженіемъ этой полосы отъ Гравелотъ-Вердена до Дюнкирхена-Булони...

И. О. Левинъ.

4. Изъ исторіи балканскаго союза.

Аннексія Босніи и Герцеговины, произведенная гр. Эренталемъ въ 1908 г., является исходнымъ пунктомъ тѣхъ событій, которыя нынѣ переживаетъ вся Европа. Смѣлый шагъ бывшаго австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ вызвалъ сильное возмущеніе во многихъ государствахъ, между прочимъ, и въ Италіи, которая, будучи союзницей Австро-Венгріи, обязывала ее къ сохраненію status quo на Балканскомъ полуостровѣ и не допускала предпринимать тамъ какіе-либо самостоятельные шаги. Отчасти и изъ вниманія къ этому обязательству Эренталь отказался отъ Новобазарскаго санджака и старался увѣрить итальянскаго министра иностранныхъ дѣлъ Титтони, что „перемѣна фирмы“ въ Босніи и Герцеговинѣ не является нарушеніемъ status quo на Балканахъ и не представляетъ собою такого шага, который требовалъ бы предварительнаго обсужденія совмѣстно съ Италіей. Последняя, однако, не соглашалась съ Эрэн-

талемъ, и въ отвѣтъ на нарушеніе пѣлости Оттоманской имперіи объявила войну... Турціи. Началась триполитанская война.

Итальянско-турецкая война поставила въ тяжелое положеніе младотурецкую имперію, и балканскія государства рѣшили использовать благоприятный моментъ, чтобы сосчитаться съ своимъ вѣковымъ врагомъ. Завязались переговоры между отдѣльными государствами Балканъ, и будущіе союзники стали дѣлать между собою европейскія владѣнія Турціи. Дѣленіе это дѣлалось второпяхъ: нужно было сговориться до окончанія итальянской кампаніи, предупредить возможное вмѣшательство Австро-Венгріи, интриги Румыніи и т. д. Этими, по всей вѣроятности, объясняются нѣкоторые пробѣлы того договора, который долженъ былъ лечь въ основу наступательнаго союза Болгарин, Сербин, Грецин и Черногорин противъ Турціи. Если съ Сербіей Болгарія заключила 29 февраля 1912 г. болѣе или менѣе обстоятельный договоръ, то съ Греціей она не успѣла совершенно сговориться относительно дѣлежа будущей добычи, а съ Черногоріей вообще не было заключено письменнаго соглашенія, и Болгарія ограничилась обмѣномъ словесныхъ обѣщаній о взаимной поддержкѣ. Эта послѣдняя въ дѣлѣ заключенія не договора, котораго собственно не было, а отдѣльныхъ соглашеній, имѣвшихъ цѣлью наступательныя дѣйствія противъ Турціи, крайне печально отразилась на судьбѣ балканскаго союза. Впрочемъ, внутреннія тренія начались не со стороны тѣхъ, которые не успѣли опредѣленно связать себя письменными договорами, а со стороны государства, которое заключило съ Болгаріей наиболѣе полное соглашеніе и, казалось, наименѣе подверженное различнымъ толкованіямъ, столь часто искажающимъ смыслъ того или иного договора. Сербія раньше другихъ стала чувствовать на себѣ тяжесть насильныхъ заключеннаго союза и первая

начала выражать недовольство договоромъ 29 февраля. Эта печальная роль инициатора расторгенія союза была навязана Сербіи извнѣ, силами, противъ которыхъ не только она одна не могла бороться, но ничего не могъ сдѣлать и весь балканскій союзъ.

Дѣло въ томъ, что счастливый исходъ балканско-турецкой войны естественно сулилъ Сербіи выходъ къ Адриатическому морю, о которомъ она мечтала въ течение многихъ лѣтъ, ведя борьбу за экономическую независимость отъ Австро-Венгрии. Объ Адриатическомъ морѣ заговорила она, какъ только ей улыбнулось военное счастье, но тутъ-то она услышала окрикъ: *poli me tangere*. Къ морю не пускала ея Австрія, которая готоза была даже воевать, лишь бы не дать Сербіи возможности выхода къ Адриатикѣ. Такъ какъ великія державы старались локализовать войну 1912 г., то онѣ и поддерживали стремленіе тройственного союза къ недопущенію Сербіи къ морю, что фактически вылилось въ отстаиваніи самостоятельности Албаніи, такъ какъ Сербія могла получить выходъ къ Адриатикѣ лишь въ предѣлахъ Албаніи. Для Сербіи это было равносильно лишенію лучшей части своихъ возможныхъ пріобрѣтеній. Но она должна была покориться судьбѣ, такъ какъ даже русскій министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ предупредилъ 27 октября (9 ноября) болгаръ, „ставшихъ во главѣ балканскаго союза“, о необходимости обратить вниманіе сербовъ на очень важное обстоятельство, а именно: они должны отказаться отъ всякой мысли о пріобрѣтеніи какой-либо территории на берегу Адриатическаго моря. Болгары взяли на себя эту благодарную миссію и передали требованіе Сазонова сербамъ, хотя, какъ утверждаетъ Гешовъ, „мы (болгары) подчеркнули при этомъ нашу готовность исполнять по мѣрѣ силъ всѣ вытекающія изъ союзническаго договора обязательства“. Тяжело было сербамъ мириться съ этимъ ударомъ, и ихъ недовольство

приняло характеръ, какъ телеграфировалъ Гешову болгарскій представитель въ Афинахъ, какой-то вражды къ болгарамъ, и въ Бѣлградѣ стали мечтать если не о двойственномъ союзѣ въ лонѣ четверного, то во всякомъ случаѣ о какомъ-то соглашеніи, направленномъ противъ Болгаріи. Съ этого момента начинаются обостренныя отношенія между Болгаріей и Сербіей; къ послѣдней прикнули Греція и Черногорія. Болгарія осталась изолированной, и Гешовъ въ своей „L'Alliance Balkanique“¹⁾ подробно излагаетъ, какъ онъ, въ качествѣ премьера и министра иностранныхъ дѣлъ, старался уладить недоразумѣнія съ Сербіей, отстаивая букву и духъ договора 29 февраля 1912 г. Онъ противопоставляетъ своей примирительной политикѣ воинственность Сербіи, которую и обвиняетъ въ чрезмѣрномъ обостреніи спора изъ-за дѣлежа турецкой территоріи; но тутъ же Гешовъ впадаетъ въ страшное противорѣчіе, говоря исключительно о винѣ Сербіи. Вѣдь если бы дѣло было дѣйствительно такъ, то совершенно непонятно, почему Гешовъ подалъ 17 мая 1913 г. въ отставку, вызванную, по его же словамъ, тѣмъ, что его миролюбивая политика не получила одобренія. Это ясно говоритъ за то, что въ Болгаріи, рядомъ съ мирнымъ теченіемъ, представленнымъ Гешовымъ, существовало другое теченіе, враждебное первому и оказавшееся сильнѣе его. Однако, замѣнившее Гешова министерство не было составлено изъ сторонниковъ исключительно второго теченія; въ немъ даже преобладали приверженцы Гешова, и недаромъ кабинетъ Данева постановилъ отправить его 9 іюня въ Петроградъ для того, чтобы тамъ подвергнуть третьейскому суду споръ между Сербіей и Греціей, съ одной стороны, и Болгаріей—съ другой. Но это

1) Книга Гешова теперь вышла въ русскомъ переводѣ; см. ниже въ „Критическомъ Обзорѣннѣ“ рецензію И. О. Левина.

благоразумное рѣшеніе, повидимому, встрѣтило сильнаго противника въ лицѣ царя Фердинанда, который съ самаго начала не сочувствовалъ мирному улаженію спора между Болгаріей и Сербіей. Черезъ недѣлю послѣ министерскаго рѣшенія объ отправленіи Данева въ Петроградъ, въ роковой день 16 іюня, по распоряженію высшаго военнаго совѣта, 2-я и 4-я болгарскія арміи атаковали союзниковъ, и началась столь трагически кончившаяся для Болгаріи вторая балканская война.

Гешовъ сумѣлъ въ своей книгѣ выставить себя апологетомъ собственной политики, которую онъ умерно и часто убѣдительно рисуетъ, какъ миролюбивую, стремящуюся сохранить балканскій союзъ, несмотря на вражду Сербіи и Греціи; съ другой стороны, однако, онъ совершенно недостаточно описываетъ то теченіе, которое въ самой Болгаріи боролось съ пасифистскими тенденціями Гешова, и читатель приходитъ въ недоумѣніе отъ неожиданной для него отставки миролюбиваго министра, у котораго, какъ оказывается, обнаруживаются сильныя внутренніе враги, а также конфликтъ съ царемъ Фердинандомъ. Это недостаточное освѣщеніе воинственнаго теченія въ Болгаріи превращаетъ книгу бывшаго премьера въ рядъ противорѣчій: первая половина ея представляетъ цѣликомъ обвинительный актъ противъ Сербіи: на скамьѣ подсудимыхъ находится Пашичъ, который за спиною Болгаріи ведетъ противъ нея страшныя козни, не останавливаясь передъ умышленнымъ крахомъ въ Лондонѣ мирныхъ переговоровъ и предложеніемъ Турціи какихъ-то компенсацій за счетъ Болгаріи, вѣрнѣе, отвоеванной ею турецкой территоріи. Послѣ отставки Гешова со сцены окончательно исчезаетъ коварный Пашичъ, и мы имѣемъ дѣло съ безответственнымъ, но сильнымъ теченіемъ въ Болгаріи, бросившимъ вызовъ не только бывшимъ союзникамъ, но и

конституціонному болгарскому правительству, не поставленному даже въ извѣстность о рѣшеніи высшаго команднаго совѣта пачать военныя дѣйствія противъ Сербіи и Греціи. Вся вина кровавой и братоубійственной войны 1913 г. лежитъ, судя по второй половинѣ книги Гешова, на царѣ Фердинандѣ и его безответственныхъ совѣтникахъ, и этотъ новый виновникъ заставляетъ забыть о старомъ, о сербскомъ премьерѣ Пашичѣ, котораго Гешовъ столь безжалостно порицаетъ на протяженіи всей первой части своей книги. Но неужели до отставки Гешова фердинандовская камарилья совершенно бездѣйствовала, и правильно ли нѣкимъ магическимъ жезломъ—уходомъ въ отставку Гешова—разбить на двѣ части сложное историческое событіе и заявить: тутъ вина Сербіи, а тутъ Болгаріи? Разумѣется, Фердинандъ въ маѣ 1913 г. не явился на сцену, подобно *deus ex machina*, и дѣйствовалъ, безъ сомнѣнія, и до отставки Гешова, какъ, впрочемъ, не исчезъ и послѣ отказа отъ власти Гешова „коварный“ сербскій премьеръ. Это рѣзкое дѣленіе на двѣ части книги Гешова лишаетъ ее того значенія, какое она могла бы имѣть въ качествѣ не только воспоминаній одного изъ виднѣйшихъ дѣятелей балканскаго союза, но и собранія историческихъ документовъ, которыя до сихъ поръ были лишь отчасти опубликованы. Съ другой стороны оставленіе Гешовымъ безъ вниманія воинственнаго теченія внутри Болгаріи является тѣмъ болѣе ошибочнымъ, что это именно теченіе играло роковую роль въ дальнѣйшихъ судьбахъ Болгаріи и направляло ея политику въ опредѣленную сторону, приведши въ концѣ концовъ Болгарію къ активному вмѣшательству въ европейскую войну на сторонѣ центральныхъ имперій и къ совмѣстному съ Турціей нападенію на Сербію и ея великодержавныхъ союзниковъ.

С. Лозинскій.